

## Глава 8

Ян Ицин так никогда и не узнает, что тот день, когда он был рядом с Гун Сино, пришёлся на восемнадцатый день рождения юноши.

Многие годы кленовый лист мирно покоился в учебнике по истории архитектуры. Стоило открыть обложку, как взгляд падал на аккуратную надпись, выведенную изящным почерком: «Истина мне дорога, но наставник — дороже».

Гун Сино стоял перед огромным панорамным окном. Прошлое накатывало волнами, сцена за сценой всплывая в памяти, и эти воспоминания, словно цепкие лозы, оплетали его сердце, не давая забыться.

На город опустились сумерки. Зажглись огни, вступая в свои права, и мегаполис задышал ритмом ночной жизни.

В баре царил полумрак. Из угла доносилось нежное пение: мужчина за роялем перебирал клавиши тонкими пальцами, извлекая на свет тягучую, меланхоличную мелодию. Романтика в его голосе мешалась с едва уловимой грустью, заполняя тишину заведения.

Белая рубашка, чёрные брюки — в тусклом желтоватом свете ламп его бледное лицо казалось покрытым тончайшей позолотой, отчего облик приобретал почти неземное сияние.

«Ты спросишь, как сильно я люблю тебя, насколько глубоки мои чувства... Моя нежность искренна, моя любовь бездонна... Один лишь поцелуй тронул моё сердце, а глубокая привязанность заставляет тосковать и поныне...»

Едва смолкли последние аккорды, как зал взорвался аплодисментами.

Гун Сино поднялся, обошёл рояль и устроился в углу за барной стойкой. Сяо Лун, как обычно, поставил перед ним стакан чистой воды, не удержавшись от похвалы:

— Сегодня ты играл просто превосходно. И пел... так проникновенно, будто от самого сердца.

Сино едва заметно улыбнулся и, коснувшись стакана, кивнул:

— Спасибо.

Чжоу Инцзюнь, владелец бара, бесцеремонно приземлился рядом и хлопнул его по плечу:

— А ты хорош! Годы идут, а хватку не теряешь. Я-то думал, голос заржавел за столько времени.

Выступления в барах были для Гун Сино одним из способов подработать ещё в студенческие годы.

Инцзюню было около сорока. Его основной доход приносили инвестиции в грузоперевозки, а бар оставался лишь хобби. Он открыл его не ради наживы, а чтобы дать таким же «белым воротничкам», как он сам, место, где можно выплеснуть накопившуюся тоску и насладиться эстетикой момента. О самом Инцзюне говорили разное: вечный холостяк, вокруг которого роились слухи и бесчисленные женщины, но ни одна так и не смогла его приручить.

Не успел Сино ответить, как к ним подошла Сяо Цзин со скрипкой за плечами.

— О, привет! Вы сегодня рано, — улыбнулась она.

— Привет, красавица! — Инцзюнь, несмотря на статус босса, всегда держался с подчинёнными на равных и частенько подшучивал над ними.

Гун Сино ограничился приветственным кивком. Сяо Цзин была студенткой консерватории и, как когда-то он сам, подрабатывала здесь, чтобы свести концы с концами. Она и понятия не имела, кто такой Сино, считая его обычным наёмным музыкантом. Узнав о её стеснённых обстоятельствах, Гун Сино в своё время договорился с владельцем: он вдвое увеличил девушке зарплату, выплачивая вторую половину из собственного кармана.

Тогда Инцзюнь подозрительно прищурился:

— Ты что, на неё глаз положил?

— Если бы положил, помогал бы совсем иначе, — отрезал Сино, развеяв его сомнения.

Вернувшись в Китай, Гун Сино по-прежнему заглядывал в этот бар, когда выпадала свободная минута. А если было настроение — садился за рояль, играя просто для себя.

\*\*\*

Гэн Синь в последнее время не находил себе места. Причиной его головной боли был подопечный — Юань Цзинкунь. То ли холодность была его врождённой чертой, то ли затяжная депрессия сделала его таким угрюмым, но ладить с ним было невероятно трудно.

Цзинкунь целыми днями просиживал в маленькой спальне за закрытой дверью. Он был скуп на слова: на десяток вопросов Гэн Синья мог не удостоить ответом ни один. Тот мучился, не зная, чем накормить гостя — он не понимал его вкусов, а уж тем более не представлял, какая диета нужна беременному мужчине. Гэн Синь, не имея ни малейшего опыта ухода за такими особенными людьми, буквально сгорал от беспокойства.

Когда он пытался выяснить предпочтения, Цзинкунь лишь спустя вечность ронял: «Мне всё равно».

Гэн Синь тяжело вздыхал, глядя в потолок. Что сказал, что промолчал — разницы никакой.

Юань Цзинкунь оказался в ловушке. Без телефона, без компьютера, отрезанный от всего мира. Единственным его спасением были книги. Гэн Синь не смел ему досаждать: пусть делает что хочет, лишь бы не пытался сбежать.

Цзинкунь до сих пор не мог до конца осознать, что внутри него зарождается новая жизнь. Лёжа в кресле-качалке с книгой в руках, он раз за разом проваливался в одни и те же мысли: неужели он, мужчина, действительно может выносить ребёнка?

Его рука непроизвольно скользнула по плоскому животу. Неужели малыш правда там? Он будет расти? Он... родится? Гун Сино оставил ему слишком много вопросов без ответов.

— Нет, не надо!..

Юань Цзинкунь резко сел на кровати, вырванный из лап кошмара. Покрывало сползло к поясу, дыхание было сбивчивым и тяжёлым, а на лбу выступила холодная испарина.

Сцены из сна всё ещё стояли перед глазами: искажённое болью лицо покойной матери, бледность тяжелобольного отца, разгром в доме и толпа свирепых коллекторов... И почему-то в этот хаос вплетался смутный силуэт Гун Сино.

Едва успокоив сердцебиение, Цзинкунь взглянул на будильник. Стрелки замерли на единице.

Он снова лёг, но сон не шёл. С момента переезда в эту квартиру он почти не спал нормально, просыпаясь по несколько раз за ночь. Чужое место, давящая тишина и колоссальный психологический груз — всё это не способствовало отдыху. Возможно, он и сам не понимал, что его переменчивое состояние было вызвано и самой беременностью.

Ворочаясь с боку на бок, он в конце концов окончательно сдался и сел. Снотворных не было, да и нельзя. В полной темноте он сидел, терзаемый тоской по матери и тревогой за отца.

Ему отчаянно хотелось навестить его. Скоро изменения в теле станут заметны, и он не сможет выходить. Нужно попасть в больницу сейчас, пока ещё есть возможность.

Но позволит ли Гун Сино? Хоть тот и не говорил прямо, Цзинкунь прекрасно понимал: он под негласным домашним арестом.

«Нет, я обязан найти способ увидеть отца», — твёрдо решил он.

На следующее утро, стоя на пороге комнаты, Цзинкунь долго наблюдал за Гэн Синем, суетившимся на кухне, а затем негромко спросил:

— Ты сегодня уезжаешь куда-нибудь?

Гэн Синь вздрогнул. Цзинкунь так редко заговаривал первым, что это казалось почти невозможным.

— А... да, нужно в супермаркет. Рис и масло закончились, надо пополнить запасы.

Это был шанс. Идеальный шанс.

— Тогда будь осторожен в дороге, — тихо произнёс Цзинкунь.

Гэн Синь озадаченно почесал затылок, гадая, с чего бы это подопечный вдруг проявил такую заботу, но вникать не стал. Сверившись со списком покупок, он взял ключи и отправился в магазин.

<http://bllate.org/book/17488/1693242>